ВЛАДИМИР
БУШИН
ВРЕМЯ
ПУТИНА
ГЛАЗАМИ
СОВЕТСКОГО
ЧЕЛОВЕКА

Владимир Сергеевич Бушин
Время Путина. Глазами советского человека
Серия «Книга-эпоха»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314563
Время Путина. Глазами советского человека: Родина; М.; 2022
ISBN 978-5-00180-383-6

Аннотация

Владимир Сергеевич Бушин (1924 – 2019) – выдающийся советский и российский писатель, публицист, журналист, общественный деятель. Он принадлежал к числу небольшой части советской интеллигенции, которая не сдала свои идеалы после краха СССР и вела борьбу против десоветизации.

В своей книге саркастически, ярко и остроумно он показывает целую галерею всем знакомых образов путинского времени, включая высших руководителей государства. Постоянно сравнивая их с вождями СССР, такими как Ленин и Сталин.

В.С. Бушин показывает принципиальные отличия советского правления от нынешнего, обстановку в стране тогда и сейчас, состояние общества и культуры.

По словам одного из рецензентов этой книги, по ней будущие граждане России смогут хорошо представить себе наше время, его проблемы, споры и лица.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Время Путина 6
Крестный папа Владимира Путина 6
Путин на двух креслах 26
И. о. просится в сортир 34
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Владимир Сергеевич Бушин
Время Путина. Глазами советского человека

© Бушин В.С., правообладатели
© ООО «Издательство Родина», 2022

Время Путина

Крестный папа Владимира Путина

Еще в июне 1991 года в «Советской России» я напечатал статью «Хождение Собчака». Позже об этом реликтовом деятеле, вскоре получившем титул «знаменосца демократии», публикаций было, пожалуй, больше, чем, допустим, о Е. Гайдаре и А. Чубайсе, вместе взятых. Запомнились, например, статьи в газетах и оппозиционных, и правоверно демократических: «Хлестаковщина на Сене» («Советская Россия», 15.10.98), «Черная тень Собчака над Россией» («Новая газета», № 24'97), «Собчак как зеркало русской коррупции» («Комсомольская правда», № 26'97), «Плачет по Собчаку „Матросская тишина“» («Совершенно секретно», № 2'97) и т. д.

Авторы этих статей утверждали, что Собчак – взяточник, махинатор, что, например, проживая ранее в скромной двухкомнатной квартирке на окраине Ленинграда, он, став мэром города, обтяпал в самом центре отменное гнездышко в 400 квадратных метров, устроил также уютные берложки своим родственникам, нагрянувшим в Северную Пальмиру из Брянской области, из Ташкента и, кажется, даже из Читы, где 10 августа 1937 года, сразу после Дня физкультурни-

ка, в семье тихого бухгалтера родился будущий знаменосец. В справке «О ходе расследования по делу № 141674» заместитель прокурора Ленинграда Н. П. Дудин утверждал, что «суммарная рыночная стоимость жилья, незаконно полученного гр. Собчаком А. А. и его родственниками, составляет около 2 миллиардов рублей».

Справка эта была напечатана в газете «За рабочее дело», которая, по примеру известного общественного процесса над М. Горбачевым, устроила на своих страницах такой же процесс над знаменосцем демократии. Там общественный обвинитель Е. Фетисов, в частности, заявил: «Если уж говорить по-русски прямо, то Собчак – вор. Алчность его безгранична». А закончил так: «На основе всего вышеизложенного, учитывая все зло, причиненное нашей стране, нашим людям, деятельность гр. Собчака и его особую опасность для общества, требую для подсудимого смертной казни через повешение на его собственных подтяжках французского производства без права захоронения на русской земле. Казнь произвести на Дворцовой площади. На шею казненному повесить доску со словами: „Он переименовал и разорил Ленинград, превратив его в столицу нищеты и преступности“».

Может быть, во всем этом есть что-то и несправедливое, но, во всяком случае, столь единодушной неласковости к себе от крайне левых до крайне правых не знает, пожалуй, ни один персонаж эпохи Ельцина.

Что до моей упомянутой выше давней статьи, то я в ней тоже, разумеется, утверждал, что Господь несколько обделил профессора Собчака такими бесценными человеческими качествами, как стыд и совесть, но в статье не было ни слова ни о квартирных махинациях, ни о взятках, ни о брянской теще, ни о ташкентской куме, ни о том даже, как писали другие газеты: «Собчак А. А. вылетел в Лондон и в аэропорту „Хитроу“ задержан сотрудниками таможни за провоз без декларации в портфеле „дипломат“ более 1 миллиона долларов». Нет, я писал о другом, я доказывал умение профессора вдохновенно декламировать о неизбывной любви к человечеству с выражением непререкаемой святости на лице.

Например, в своей книге «Хождение во власть» знаменосец уверял: «То, что прозвучало с трибуны XIX партконференции, я воспринял как призыв к гражданской мобилизации, адресованный и мне лично. И я, беспартийный (!), подал заявление с просьбой принять меня в КПСС». А я в статье писал, что это похоже на вранье, ибо конференция открылась 28 июня 1988 года, а заявление беспартийный большевик Собчак подал еще 10-го, то есть почти на три недели раньше, движимый не столь героическим и бескорыстным порывом, на который указывает, а каким-то иным, может быть, вполне шкурным, как и раньше, когда он пролез в члены райкома комсомола.

В заявлении он умолял и божился: «Прошу принять меня в члены КПСС, потому что в эти решающее для партии и

страны время хочу находиться в передовых рядах борцов за дело социализма и коммунизма. Программу КПСС изучил, признаю и обязуюсь выполнять». Прекрасно! Точно так же, как на фронте многие из нас писали перед наступлением. Но не прошло и двух лет, как свеженький борец за коммунизм, смазав профессорские пятки, бежал из партии. По выражению поэта, «бежал быстрее лани, быстрей, чем заяц от орла». Мало того, вместе с Ельциным, Яковлевым и Бурбулисом голосом пророка, страдающего диареей, принялся обильно изрекать афоризмы и пророчества такого пошиба: «Марксизм приговорен историей… Судьба коммунизма в России предрешена… Компартия уйдет с политической арены» и т. п. А ведь не мальчиком вступал в партию и рвался в первые ряды ее борцов, ему шел уже шестой десяток, был второй раз женат, имел кучу детей и внуков.

* * *

При единодушной неласковости к Собчаку в прессе и в обществе, сложившейся в результате его резвой деятельности на квартирной и смежных с ней нивах, нетрудно понять его поведение, когда следователь по особо важным делам Н. Михеев стал раз за разом приглашать знаменосца всего лишь как свидетеля для дачи показаний. Ну в самом деле, представьте себе, что по первому же приглашению он направился в прокуратуру, вдруг по дороге видит на стенде «Комсомол-

ку», а в ней статья «Собчак как зеркало русской коррупции». Как всякий на его месте, знаменосец повернулся и побежал в объятия своей супруги, тем более что она, Людмила Борисовна, имела парламентскую неприкосновенность, то есть только он, супруг, имел право иногда прикоснуться. Неудивительно, что после этого он не являлся к следователю еще, допустим, на пять-шесть приглашений. Но вот снова все-таки решился, как вдруг в телевизионном обзоре печати показывают свеженький номер «Совершенно секретно», а там аршинными буквами – «Плачет по Собчаку „Матросская тишина“». Конечно, он опять передумал.

И так аж до тринадцатого приглашения, когда следователю не оставалось ничего другого, как прибегнуть к принудительному приводу. Но тут раздался крик неприкасаемой супруги: «У знаменосца инфаркт! Демократия в опасности!». И страдалец тут же повалился на рядом стоявший стол, испустил как бы предсмертный вопль, а потом замер и даже великим усилием воли сумел побледнеть и выдавить на лбу холодный пот… Вскоре почти бездыханного знаменосца везут на аэродром, грузят полуживого в таинственный двухместный самолет, добытый, по слухам, для этого Ростроповичем и Вишневской в Финляндии, и тело Собчака, тщательно оберегаемое верным Путиным, совершает легендарный беспосадочный перелет по маршруту Ленинград – Париж. Это произошло 7 ноября 1997 года, в день 80-летия Великой Октябрьской революции. Уж как порадовал профессор всех

избавлением от своего присутствия на русской земле именно в этот праздничный день…

Однако в Париже просидел Собчак, увы, всего лишь годика полтора. А как только директором ФСБ, а потом и секретарем Совбеза стал В. Путин, доктор Анатоль тотчас примчался обратно, надеясь, что Путин, поскольку он был его заместителем в правительстве Ленинграда да еще возглавлял избирательный штаб при попытке знаменосца второй раз пролезть в мэры города, не оставит теперь своими милостями. Как знать… Но дело сейчас не в этом.

Вы ни за что не догадаетесь, читатель, чем эти полтора года горького изгнания занимался Собчак в Париже. Оказывается, перебиваясь с кваса на устриц, терзаясь разлукой с неприкасаемой женой-депутаткой, он все это время писал книгу! О чем? Может быть, вы думаете, что о своих великих государственных деяниях? или о встрече с Ельциным? о дружбе с Евтушенко? о контактах с Новодворской?.. Ничуть не бывало! Он писал книгу о Сталине! Уму непостижимо! Это после стольких-то книг, статей, фильмов о Сталине в нынешнюю пору. Да еще после того, как столь достослезной оказалась вскоре участь многих авторов этих произведений…

В самом деле, ведь не мог ученый профессор не знать, например, что еще в конце 70-х годов поэт Борис Слуцкий написал инфекционный цикл стихов о Сталине, в том числе подлый стишок о тосте вождя за здоровье русского на-

рода, – и вскоре совсем еще не в дряхлом возрасте Бог его прибрал. Булат Окуджава, которому Сталин даже снился в страшных снах, написал о нем: «Меленький, немытый и рябой…» И что же? «Приют певца угрюм и тесен, и на устах его печать…» Несколько лет тому назад на американские деньги был создан кошмарный фильм о Сталине «Монстр». В этом принимали участие известный Евгений Габрилович и безвестный Александр Новогрудский; увы, и они уже не украшают наше общество. Самым высокопоставленным и беспардонным сталиноведом был у нас в эти годы генерал-философ Волкогонов, любимец Ельцина. Накатал о Сталине четыре тома первосортного вздора. И что? Господь незамедлительно и его призвал для объяснения. Алесь Адамович напечатал в «Дружбе народов» апоплексическую повесть, в которой уверял, что Сталин был агентом царской охранки. Недолго пришлось ждать: смерть сразила его прямо в суде, в котором он отстаивал свои сталинофобские убеждения. На этой же ниве отменно потрудился Лев Разгон, признавшийся даже, что в день смерти Сталина устроил на радостях попойку. Совсем недавно и он помахал нам синим платочком. Рой Медведев сочинил тщедушную книжонку «Семья тирана», а потом – «Они окружали Сталина», и где теперь этот Рой? Кто видел мыслителя в последний раз? Эдвард Радзинский выпустил здоровенный том «Сталин», на страницах которого самозабвенно состязаются убожество ума, невежество и низость души. И теперь у него такой же затравленный вид,

как у несчастного Салмана Рушди. Антонов-Овсеенко, кажется, всех превзошел по тупоумию своих антисталинских писаний. Говорят, теперь в каком-то закрытом учреждении он руководит кружком по художественному вышиванию…

* * *

И вот на таком-то жутком фоне доктор Собчак сел на Монмартре за свою книгу! Я решил, что там, в Париже, в каких-то библиотеках да архивах ему удалось раскопать уж такие потрясающие материалы, такие сногсшибательные сведения, что за публикацию их можно рискнуть и с Радзинским облобызаться (разумеется, с последующей дезинфекцией). С великим ожиданием я начал читать…

И прочитал. И что же увидел? Да ведь ни одного нового факта, ни единой свежей мысли, ни малейшей претензии на самостоятельность подхода, на свежесть аргументации. Автор просто обобрал почти всех помянутых выше мыслителей, сгреб их философско-исторические побрехушки в кучу и сварил, подобно Хлестакову, «суп в кастрюльке прямо из Парижа».

Вот вам один из примеров исторической масштабности, умственного уровня и творческой самобытности антисталинизма Собчака. Он без конца гундосит, что Сталин был маленького роста и, в отличие, допустим, от Наполеона или Суворова, Пушкина или Лермонтова, ужасно стыдился этого.

«На групповых фотографиях, – сообщает ученый, – заметно стремление Сталина занять такое место, чтобы выглядеть выше окружающих». Ну правильно. Всегда, понимаешь, усаживался в первом ряду. Как будто он, генсек или верховный главнокомандующий, не мог пристроиться где-нибудь в пятом-шестом сбоку, а место в первом уступить Собчаку рядом с Буденным. На Тегеранской и Ялтинской конференциях он, надо полагать, говорил Рузвельту и Черчиллю: «Как хотите, господа, а я в кресло подложу подушечку…» Ай-яй-яй, профессор, ведь это плагиат. Еще когда, как мы видели, то же самое гораздо поэтичнее, под гитару, гундосил покойный Окуджава, как, впрочем, почти все мыслители, свихнувшиеся на ненависти к Сталину.

Особого внимания заслуживает здесь покойный генерал Волкогонов, сказавший о нем в своей, теперь уже сданной в утильсырье книге «Триумф и трагедия» (не путать с «Трагедией и триумфом» Черчилля!): «физический и нравственный пигмей!» Дело в том, что именно в этой утилькниге славного генерала, вкушающего ныне вечное блаженство, в первой ее части на вклейке между страницами 64 и 65 помещена карта из следственного дела Сталина, заполненная в 1908 году в бакинской тюрьме. Там среди других примет заключенного, естественно, указан и рост: «174 см». Нормальный для мужчины средний рост. Но генерал, доктор аж двух наук, смотрел в собственную книгу и видел собственную фигу. К слову сказать, рост Окуджавы, по данным поликлиники

Литфонда, был 171 сантиметр.

Нечто подобное фиге видел и одноразовый доктор Собчак и продолжал дудеть в ту же дуду: «Придворные фотографы обязаны были снимать вождя только под определенным ракурсом, чтобы был незаметен его маленький рост». Вот так! Чувствуете все то же хлестаковское вдохновение, рождающее фантазии насчет супчика? «Откроешь крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе!..» Воистину так. Во-первых, кто они, эти придворные фотографы? У Гитлера, например, был такой фотограф – Генрих Гофман. А у Сталина? Молчит дядя. Во-вторых, Сталина снимали в самых разных ситуациях множество самых разных фотографов, в том числе иностранных, а ведь всем не прикажешь делать это «под определенным ракурсом». Но главное, в-третьих, тюремные фотографы, как известно, не отличаются любовью к разнообразию, они знают только два ракурса – анфас да профиль, и тюремщиков трудно заподозрить в том, что они уже в 1908 году заискивали перед заключенным Джугашвили и прибавляли ему рост. Так что честному ученому надо бы признать: 174 сантиметра.

Фотографов с обязательными приукрашивающими ракурсами Анатоль тоже не сам изобрел, а стянул у Роя Медведева, и без того очень небогатого. Тот в своей книге «Семья тирана», являющейся не чем иным, как свидетельством о бедности, уверял: «Не только художники, но и фотографы убирали все оспины с лица Сталина и увеличивали на

несколько сантиметров его лоб». Надо полагать, на сей счет было специальное указание Политбюро, его нарушителям, конечно же, грозил расстрел. Хоть задумался бы о том, что у самого лоб – как сковорода. И что? Чем порадовал Родину за долгую жизнь?

Хотя как автор книги о Сталине профессор Собчак в целом вполне заслуживает той характеристики, которую высказал в своей время общественный обвинитель Е. Фетисов («Уж если говорить по-русски прямо…»), но в данном конкретном случае надо признать, что он не просто стянул побрехушку о фотографах, но и развил ее дальше. Такой же пример творческой клептомании дает он и в некоторых других случаях. Так, не просто долдонит о маленьком росте Сталина, а показывает конкретно, к чему это вело: «На трибуне Мавзолея ему подставляли специальную скамеечку, чтобы выглядел выше и внушительней. Подставляли скамеечку и при его выступлениях на съездах и совещаниях». Интересно, где сейчас эта историческая скамеечка? Вот разыскать бы! Надо думать, неплохие деньги можно получить за нее на аукционе «Сотби».

* * *

«Сталинские сапоги, – продолжает Собчак творчески развивать идеи своих обворованных им предшественников, – тоже были необычными, с очень высокими каблуками, что-

бы поддержать иллюзию более рослого человека». Это сперто из книги Радзинского, который по причине собственного скромного роста (по данным той же поликлиники Литфонда – 167 см) сам ходит на таких каблуках. Это я частенько вижу из окна своей дачи.

И опять, и опять все в том же воровском стиле: «Маленький, тщедушный, какой-то ущербный, похожий на воришку, ожидающего кары»… Право, не всякий выдержит такой напор. Иной скажет: «Черт с тобой, согласен: маленький, тщедушный, толстый. Только отвяжись Христа ради!». А ведь с таким напором он всюду и лез – и в доктора наук, и в партию, и в депутаты, и в мэры…

Здесь наш беспристрастный рассказ о поразительной книге, написанной Собчаком в Париже, мы вынуждены прервать отступлением о его столь же замечательных делах в паре с очаровательной супругой в Москве. Сделать это тем более необходимо, что и то и другое – в одном ключе, на одном морально-психологическом уровне и являет нечто целое.

Известный журналист Александр Минкин – один из самых неутомимых и бессердечных истязателей бедного Собчака. Так, в «Новой газете» А. Минкин напечатал о Собчаке неласковую статью «Хворь», где, в частности, привел каким-то образом перехваченный «типичный собчаковско-чубайсовский разговор», имевший место 2 октября 1997 года, когда Чубайс был, черт его упомнит, какой-то шишкой в правительстве. Вот примерный фрагмент разговора.

«*Собчак.* Здравствуйте, дорогой Анатолий Борисович! Как здоровьице? Как супруга? Как детишки? Знаете, дорогой Анатолий Борисович, в московской прессе продолжаются попытки дискредитации моей личности, известной вам своей безупречностью. Представьте себе, враги демократии предлагают меня арестовать! Конечно, я сейчас беззащитный пенсионер, но все-таки продолжаю оставаться мужем нардепки Нарусовой.

Чубайс. Не беспокойтесь, Анатолий Александрович. Ситуация под контролем. Железно! Я имел на тему вашего ареста разговор с Юмашевым, главой администрации президента. Он заверил меня, что без его ведома и без ведома Бориса Николаевича никто не посмеет отправить на нары мужа Нарусовой без жены.

Собчак. Дорогой Анатолий Борисович, что значит „ситуация под контролем“? Вот и в Чечне у нас все было „под контролем“, и в экономике „под контролем“, и в обороне „под контролем“, и в приватизации… Не получится ли со мной, как в Чечне? Не продадут ли меня за 3 процента истинной стоимости, как „Уралмаш“?.. Ведь газеты пишут же – арестовать! Министр внутренних дел Куликов заявляет на пресс-конференции: „Вот-вот схватим голубчика“. Уже, мол, и наручники подобрали по размеру…

Чубайс. Перестаньте паниковать, Собчак! Повторяю, на нары вас без жены не отправят! Железно! Я сегодня встречаюсь с Юмашевым. Первый вопрос, который мы будем об-

суждать, это вопрос о вашем аресте.

Собчак. Спасибо, дорогой Анатолий Борисович. Уж такое спасибо!.. С Эйфелеву башню! Я, может быть, скоро поеду во Францию Что вам привезти? У вашей жены ножка какого размера? Тридцать девятый? Прекрасно! А, извините за выражение, бюстик? Пятый? Тоже завидный! Вы и сами то и дело по заграницам, но у вас же нет времени там по магазинам шастать, а я – вольный пенсионер!.. Из прошлой поездки во Францию я привез своей Людочке две дюжины бюстгальтеров. Чудо! Знаете, какие? Вы не поверите – на меху! Ах, французы! Что за искусники! Но это не главное, почему я вам звоню. Ведь мы же с Людочкой всегда в первую очередь думаем о любимой родине, о нашей цветущей демократии. Главное – в последнее время нас очень настораживает активность Рохлина. Он фактически призывает к неконституционным действиям по смене власти, которой мы с вами не можем нарадоваться. Совершенно необходимо возбудить против него уголовное дело. Засудить надо смутьяна!

Чубайс. Но он же депутат, дело не имеет перспективы. А надо бы, надо! Ух, как надо. Но подумаем еще. Может быть, найдем другой вариант. Сказал же президент: „Мы смахнем Рохлина!“.

Собчак. Конечно, надо! Чтобы другие задумались…»

* * *

Примерно такой был разговорчик. После его публикации, а также после того, как А. Минкин ярко осветил известное «дело писателей-хапуг», прозаик Чубайс и поэт Бойко, оба русскоязычные, подали на журналиста в суд: он, дескать, лишил нас чести и надругался над нашим достоинством. Суд тщательно искал их честь, старался нащупать их достоинство, но, увы, не обнаружил. К тому же Чубайс клятвенно обещал президенту, что 95 % гонорара-взятки отдаст детям-сиротам, но, по обыкновению, обманул и обожаемого президента, и бедных сирот. Словом, в суде истцы получили полный отлуп.

А тем временем Собчак, как видно, не поверив все-таки, что ситуация под контролем и что его не могут продать за 3 процента подлинной стоимости, рванул в Париж писать великую книгу о Сталине. Там он узнал, что в отношении генерала Рохлина, которого так жаждал засудить, нашли более эффективное средство, чтобы другие задумались…

И вот появилась новая статья А. Минкина.

Раздается у него телефонный звонок:

– Это депутат Госдумы Нарусова Людмила Борисовна, 1950-х годов рождения. Вы называете моего мужа, бедного пенсионера Собчака, преступником. Предлагаю вам явиться и представить документы…

Минкин положил трубку.

Через месяц опять звонок:

– Это Нарусова, 1950-х годов рождения, жена бедного пенсионера Собчака, получающего пенсию 480 рублей. Я член Комитета Думы по делам женщин и семьи. К нам поступило заявление, что вы похитили ребенка. (Тут следует пояснить. Дело в том, что у Минкина в это время произошла семейная драма. Он судился с бывшей женой из-за ребенка, и пока суд да дело, ребенка взял к себе. – *В. Б.*) Мне поручено разобраться. Давайте встретимся в китайском ресторане «Ли Ли Вонг». Вы любите китайскую кухню? Я обожаю рагу из собачатины…

Минкин – калач тертый. Он позвонил Ли Ли Вонгу и спросил, сколько у него стоит обед. Оказалось, сто долларов с рыла. О-го-го… У журналиста таких денег нет, а обедать за счет жены бедного пенсионера, получающего в месяц 480 рублей, то есть примерно столько долларов, сколько принято в этом ресторане давать гардеробщику, он не пожелал. Есть основание полагать, что было у него при этом еще и некоторое опасение. Помните «Моцарта и Сальери»? – «Последний дар моей Изоры… Переходи сегодня в чашу дружбы…» Или в собачье рагу…

Как бы то ни было, а Минкин позвонил жене пенсионера и сказал, что лучше встретиться в Думе.

– Ах, как жаль, как жаль!.. Отцвели уж давно хризантемы в саду… Хорошо. Жду вас в кабинете номер 1510. Мы по-

говорим по душам…

Минкин направил стопы в Думу, надеясь побеседовать наедине с сильно очаровательной женщиной, известной в стране под именем «Дама в тюрбане», и что он видит! «Прихожу, – говорит, – а там, кроме Нарусовой, ее муж по фамилии Собчак».

– Как рад вас видеть! Как счастлив познакомиться! – воскликнул носитель этой фамилии. – Вы – большой талант! Знаменитость! Хочется сказать о вас словами Ленина о Толстом: «Какой матерый человечище! Кого рядом с ним можно поставить в Европе? Некого!»

Словом, идет примерно такого рода светский разговор, как я представляю. «И вдруг, – пишет Минкин, – Нарусова говорит: поступила жалоба, что вы похитили ребенка с целью удовлетворения своих извращенных… Тут я впервые в жизни почувствовал, – продолжает журналист, – что у меня есть Государственная граница и что ее перешел враг». Как он при этом сумел удержаться от того, чтобы тут же не превратить их обоих в собачье рагу, я не знаю…

Он даже нашел в себе силы спросить нардепку, откуда она это взяла. Нардепка ответила, не моргнув зеленым змеиным глазом:

– Это сообщила мне председатель Комитета женщин Алевтина Викторовна Апарина, коммунистка. Она и поручила мне разобраться в вашем деле. Вы же знаете, коммунисты не лгут. Они любят повторять слова Горького: «Ложь –

религия рабов и хозяев». У Апариной на вас целое досье.

Будучи рьяным антикоммунистом, Минкин, возможно, поверил, что все исходит от Апариной. Потому и не устроил рагу из супругов. И беседа мирно продолжалась, тем более что за всем этим еще и стояла судьба сына. В ходе задушевной беседы муж Нарусовой между прочим обронил, что «когда-то подобрал оставшегося без работы бывшего Штирлица». И вот бывший безработный Володя «рос, рос и вырос до главы правительства». «Очевидно, – замечает журналист, – я должен был хорошенько понять, что имею дело не просто с пенсионером, а с крестным отцом г-на Путина».

Несмотря на весь антикоммунизм, у Минкина хватило здравого рассудка на то, чтобы пожелать встретиться и поговорить с А. В. Апариной. Жена Собчака сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать встрече. Но она все-таки состоялась. Алевтина Викторовна, с присущим коммунистам уважением к ясности, сказала Минкину:

– Никакого поручения Нарусовой относительно вас я никогда не давала. С матерью ребенка никогда не встречалась. Никакого досье на вас у нас не было и нет. Ни о каких грязных намерениях относительно мальчика ни от кого никогда не слышала и, естественно, никому не могла говорить.

На всякий случай Минкин еще и позвонил бывшей жене, спросил. Та ответила:

– Какой бред! Ничего подобного никогда никому не писала, не говорила и не могла сказать!

После этого А. Минкин направил в прокуратуру заявление о возбуждении уголовного дела против Нарусовой Л. Б. и Собчака А. А. за шантаж, клевету и оскорбление.

Я с Минкиным не знаком, ни разу даже не видел его, люди мы разные: я русский коммунист, он, как почти все его соплеменники, которых я знаю, антисоветчик. У нас нет и, видимо, не может быть общих друзей, но у нас есть общие враги. Мы все-таки оба по эту сторону Госграницы, которую, как он пишет, перешел враг…

* * *

Вы хоть теперь-то поняли, товарищ Путин, кто был вашим учителем в Ленинградском университете, с кем долгие годы якшались, кого, возглавляя его избирательный штаб, изо всех сил стремились посадить второй раз в кресло мэра Ленинграда, и кто, афишируя свою близость с вами, нахваливал вас: «Путин учился у меня в группе. Привлекает его молодость, образованность. Он – человек абсолютно демократических убеждений!».

Но надо полагать, вы знаете его лучше, чем многие. Поэтому советую вам покаяться за свою прошлую близость с этой парочкой и рассказать о ней то, чего люди еще не знают. Это будет достойно русского офицера и православного человека – откреститься от исчадий ада. И на другой же день ваш рейтинг подскочит до 97 процентов.

1999 г.

Путин на двух креслах

«Всенародно избранный» президент России Ельцин посадил Владимира Путина на два высоких кресла: сперва сделал его директором ФСБ, потом – секретарем Совета безопасности. Конечно, такой кадровый дуплет несколько озадачивал: неужто не осталось других мудрецов, всеми печенками преданных любимому президенту? А Жириновский? А Боровой? А Новодворская? Наконец, Митрофанов? Неужто никто из них не мог сравниться с Путиным по мощи интеллекта, любви к президенту и расторопности? Тем более что с самого начала он показал себя довольно странно. Например, в тот самый день, 24 марта, когда Ельцин посадил его еще на одно высокое кресло, он дал несколько пространных интервью. Откуда в такой ответственный момент нашлось у вас, товарищ Путин, столько свободного времени, чтобы точить лясы? Работать же надо! Или вам уж так не терпелось покрасоваться на телеэкранах? А ведь надо бы знать, что в иных царствах-государствах лица, занимающие подобные посты, не только предпочитают держаться в тени. Больше того, кое-где ни один человек, кроме высших руководителей государства, даже не знает, кто именно эти лица. А тут нате вам – гласность!

Из этих нескольких интервью заслуживает внимания беседа с сотрудницей НТВ Светланой Сорокиной. Кто такая

Сорокина? Настоящий агент влияния, провокатор, под маской телевизионной фефелы работающая против правительства, членом коего наш друг Путин состоит. И тем не менее он охотно помчался в столь ответственный день именно на этот канал телевидения для душевной беседы именно с этой фефелой.

Сорокина, разумеется, и в этой беседе показала свое провокаторское нутро. Она сказала, например, что вот, мол, в «Таймс» и еще где-то появилась информация (употребила именно это слово) о том, что один из высших членов нынешнего правительства (она, конечно, назвала его) в свое время получил от Саддама Хусейна взятку в размере 780 тысяч долларов за поставку Ираку оружия. И спросила с милой улыбкой: «Что вы можете сказать об этой информации?».

Если Путин профессионал, то должен понимать, что сама фефела никаких «Таймсов», конечно же, ни при какой погоде не читает. Читают другие. И они подсунули ей эту «информацию», дав задание в непринужденной беседе с высокопоставленным чиновником распространить ее на всю страну, опорочить члена правительства, а заодно и прощупать собеседничка.

И что же? Вместо того чтобы, как требовал его служебный долг, решительно пресечь антиправительственную провокацию, сказать, что и говорить об этом не желает, и посоветовать мадам не заниматься грязным делом, – вместо всего это мусье Путин подхватил словцо «информация» и с от-

ветной улыбкой на устах попытался клевету на правительство обратить в игривую шуточку-прибауточку. Естественно, что улыбчивость собеседника прибавила наглости собеседнице, и она прет дальше: «А не обратиться ли вам в эти газеты? Не произвести ли расследование насчет взяточничества в правительстве?». И опять вместо отпора получает галантную улыбку: «Хорошо. Я подумаю…» В сущности, директор-секретарь сыграл в этой беседе роль пособника Сорокиной. Иначе говоря, она работала гораздо профессиональнее, чем он. Да о чем говорить? Перед лицом наглой клеветы Путин не проявил даже самого элементарного чувства товарищества. Кто после этого пойдет с ним в разведку? Как Горбачев, когда собчаки поносили Рыжкова, Лигачева и других…

* * *

Еще более тягостное впечатление оставило участие Путина в «деле Скуратова». Ну, то, что здесь играл важную роль С. Степашин, никого не удивило: еще со времен чеченской войны он показал себя человеком, способным ради Ельцина на все. Так, получив в Дагестане известие об убийстве генерала Рохлина, умного и смелого противника Ельцина, он, не зная всех обстоятельств дела, тотчас объявил: «Убийство на бытовой почве». Получив известие об убийстве Г. Старовойтовой, немедленно просветил человечество: «Политическое

убийство!». И тут же выразил твердую уверенность, что злодеяние будет раскрыто. Одна лишь эта уверенность изобличала пустозвона. Действительно, если теперь уже за долгие годы до сих пор не было раскрыто ни одного громкого убийства, то лишь в пустой голове могла родиться уверенность, что «вот это убийство уж непременно я раскрою». С другой стороны, если у тебя есть в силу неизвестных нам причин такая уверенность, то ведь на всякий случай совершенно не обязательно оглашать ее перед всем народом. Он даже этого не соображает! Как говорится, не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати…

Да, Степашин, защитивший диссертацию «Руководящая роль КПСС в пожарном деле», давно уже никого ничем не удивит. Но вас-то, ваше сковородие, с вашим 17-летним стажем работы в КГБ, как угораздило вляпаться в «дело Скуратова», едва ли не самое грязное и лживое за всю историю ельцинизма! Ну где тот идиот, который поверит вам, что какой-то безвестный заместитель районного прокурора Вячеслав Росинский возбудил дело против Генерального прокурора, да еще в 2 часа ночи! Да почему среди ночи, а не днем? Оказывается, как вечером 5 апреля передало телевидение, этого Росинского среди ночи вызвали в администрацию президента и там состряпали этот иск. Это похоже на союз проститутки с гангстером. Но все равно дело считается возбужденным с того момента, как исковое заявление поступило в соответствующую инстанцию и принято к производству. Как

это могло произойти в 2 часа ночи? Где та судебная инстанция, которая работает круглые сутки?

Но вот опять появились оба на телеэкране, и мы слышим: «Самая первичная оценка специалистами известной пленки показывает, что она подлинная». Прекрасно! Но, во-первых, никто и не спорит о самой пленке. Вполне возможно, что подлинная, а не копия. Вопрос же в том, кто на ней изображен. Занимая такой пост, профессионал Путин не умеет четко выражать свои мысли. Во-вторых, «самая первичная оценка» – это не аргумент, она может быть ошибочной. Здесь необходима и вторичная, и пятикратная, а то и десятикратная оценка. Впрочем, он тут же сам себя опровергает: «…пленка подлинная», но – «это требует еще подтверждения». Вот именно! Требует. Но немедленно и это опровержение опровергается: «…требует подтверждения, хотя никаких сомнений нет». Вот те на! Вертится, как грешник на сковороде! А ведь как профессионал должен бы понимать, что тут речь должна идти не о сомнениях или впечатлениях, а о фактах. Но их-то и нет. Разве можно считать доказательным фактом бульварную публикацию в бульварном «Московском комсомольце» – беседу с девицей в темных очках и с подбитой будкой? Или – полночный перепуганный лепет Росинского?

На выручку вам бросился несчастный горемыка Якушкин: «У президента нет оснований не доверять Московской прокуратуре». Во-первых, при чем здесь вся Московская проку-

ратура? Ведь иск против Скуратова подал только один из сотрудников, поднятый по тревоге. Во-вторых, а какие у президента основания не доверять Генеральной прокуратуре, ни один из сотрудников которой никакого иска не подавал? Наконец, какие у него основания не доверять лично Скуратову, которого ведь он сам выбрал, предложил и утвердил в должности Генерального? А если основания есть, то в каком же свете он теперь предстает перед народом? Все помнят, как он ликовал, когда удалось протащить Степанкова на должность Генерального: «Теперь у нас наш прокурор! Демократический! Реформаторский!». Но скоро он оказался не к месту. Появился Казанник. Уж в нем-то Ельцин должен был души не чаять: ведь это он, как в очереди за пивом, уступил ему свое место в президиуме Верховного Совета, куда махровый партийный демагог на выборах не прошел. Но Казанник, видя самодурство и невежество отца отечества, тоже скоро удалился. Где-то разыскали Ильюшенко. Трижды пытался Ельцин протащить его на пост Генерального. Не удалось! Так и остался и. о. Но как Ильюшенко ни лакействовал, как ни бросался на амбразуры, обороняя президента, дело все-таки кончилось для него нарами в Бутырках, двумя годами в перенаселенной камере и приобретенной там чахоткой. И вот, наконец, Скуратов, пятый прокурор ельцинской эпохи, и опять то же самое: аморальная личность, уголовное дело, отстранить! Что ж получается? Выходит, что отец народа, как олух царя небесного, ничего не понимает в людях:

кого ни назначит, все негодяи и мерзавцы…

В том явлении вместе со Степашиным народу, о котором упоминалось, вы очень чувствительно и трогательно говорили о том, что моральный уровень Генерального прокурора должен быть высок. Золотые слова! Но вы же не станете отрицать, что моральный уровень отца народа должен быть еще выше, ну, просто должен уходить за облака. Однако что же мы видели?

На каком уровне была мораль отца народа, когда он до того натрескался сорокаградусной, что не смог продрать глаза и выйти из самолета для заранее запланированной встречи с премьер-министром Ирландии? За Скуратовым ничего подобного не числилось.

Что можно сказать о моральном уровне отца народа, когда он опять же так налил шары, что на аэродроме в Бостоне, выйдя из самолета, стал мочиться на глазах потрясенного человечества? Ведь Скуратов в этом не уличен.

Достигал ли моральный уровень отца народа заоблачных высот, когда он изрыгал: «Как я сказал, так и будет!»? Или: «Отстранить меня от власти может только Господь Бог!». Или: «Разогнать эту Думу к чертовой матери!». Или: «Мы сметем Рохлина!». И тому подобное.

А что касается проказ по женской линии, то Александр Коржаков, одиннадцать лет бывший охранником и постельничим Ельцина, заявил в «Независимой газете» в связи с «делом Скуратова»: «Лучше Борису Николаевичу не трогать

эту тему. Опасно!». Это дает основания задать и такой вопрос: «Имеет ли моральное право похотливый павиан, даже если он отец народа, осуждать обыкновенную мартышку?».

Я уж не говорю о моральном уровне отца народа, который он показал всему миру, когда расстрелял Парламент страны или развязал чеченскую войну, – об этом сказано много…

* * *

Каков же вывод? А он очевиден. За время своего пребывания на двух высоких и ответственных должностях вам, ваше степенство, не удалось завоевать доверия и расположения народа хотя бы в пределах Садового кольца. А теперь, когда 5 апреля у приемной ФСБ на Кузнецком мосту, то есть у вас под носом, еще и рванул взрыв, вы стали фигурой просто комической. Ведь уже был такой взрыв на том же месте за несколько месяцев до этого. А вы со своим дружком Степашиным продолжали хлопать ушами. Вам, бездельникам, этого было мало! Мало вам и шестидесяти сослуживцев, сгоревших в Самаре.

Вам бы вот Скуратова на бабе поймать – не было для вас дела важнее и увлекательнее…

1999 г.

И. о. просится в сортир

И. о. президента… И. о. главы государства… И. о. главнокомандующего… и. о. патриота?.. И. о… И. о… И. о… Это стало уже как имя… Дочь аргосского царя Инаха тоже звали Ио. Какой-то олимпийский Пал Палыч обратил внимание на милашку самого Юпитера, громовержца и гаранта. Ио приглянулась гаранту. Он по этой части был мужик не промах. Опасаясь гнева своей супруги Юноны, Юпитер обратил Ио в корову. Надо же придумать такое! Великим мастером был громовержец в деле конспирации.

Ну просто как большевик-подпольщик. Точнее говоря, трансформировал он Ио в телку, причем белоснежную. Попробуй теперь под такой «крышей» разглядеть возлюбленную гаранта. Это куда трудней, чем, например, обнаружить советского разведчика под «крышей» Дома советско-германской дружбы в Дрездене. Но Юнона тоже была не лыком шита. Она, заподозрив что-то в белоснежной телке, выцыганила ее у мужа себе в подарок (возможно, дело было 8 марта), а пастухом и стражем к ней приставила великана Аргоса, известного своей неусыпной бдительностью, поскольку у него было множество глаз и спали они по очереди. Но Юпитер подослал к стражу хитроумного Меркурия. Тот сладкими речами и игрой на свирели усыпил Аргоса и отрубил ему голову. Так она и покатилась с Лобного места, как голо-

ва Олоферна, отрубленная молодой патриоткой Юдифью… Телка обрела свободу! Но Юнона, злобная, как Явлинский и Немцов в ненависти к коммунистам, настырная, как Хакамада и Кириенко вместе взятые, наслала на несчастную Ио овода, наглого и кровожадного, как Новодворская. Бедная телка бросилась наутек, пробежала Грецию, Малую Азию, побывала на Кавказе, в зоне стратегических интересов США, и в конце концов оказалась в Египте. Только там она обрела свой человеческий облик, и египтяне спрашивали: «Ио, почему так долго ты была и. о. коровы?». Она-то знала почему, но молчала, дабы не подвести гаранта…

И вот, оставив проделки олимпийцев, читаю патриотическую газету «День литературы», № 3–4. Она открывается статьей ее главного редактора. Смотрит он в упор на белоснежную телку и недоумевает: «С кем вы, господин Путин?». Нельзя же, мол, так: говорить с трибуны патриотические речи («У нас, у русских, особая гордость» и т. п.) и одновременно все дотации, премии, льготы давать исключительно одному прозападному направлению в культуре и искусстве; или: не выказав никакого внимания самому крупному в стране двухтысячному Союзу писателей России, нанести дружеский визит в мало кому известный у нас элитарный «Пен-клуб», объединяющий несколько десятков мэтров вроде Поженяна («Мы с тобой два берега у одной реки…»). Или: Союз писателей России провел выездной пленум в Чечне, в котором приняли участие ветераны Великой Отечествен-

ной войны (некоторые с Золотыми Звездами Героя Советского Союза), лауреаты Государственных премий, редакторы газет, журналов, известнейшие артисты, художники, скульпторы; пленуму оказали содействие Министерство обороны, местные органы власти освобожденных районов, ему прислал приветствие патриарх… А белоснежная телка? Даже не распорядился, чтобы его заместительница В. И. Матвиенко по прямому долгу службы отстукала телеграммку. И по всем каналам телевидения – ни звука!.. Словно это был не форум русских художников, а сборище прокаженных идиотов… Вот редактор и восклицает изумленно: «Я отказываюсь понимать, какую культуру поддерживает Путин!».

А между тем, друг мой, давным-давно пора бы поднатужиться и понять. Думаю, что мешает тебе тут твое все еще не изжитое почтение к антисоветчикам и коммунофобам вроде Солженицына. Ты и в этой статье именуешь проделки таких продувных бестий, как Борис Немцов, «необольшевизмом».

Может быть, помогут тебе разгадать загадку телки-оборотня напоминания о том, что, когда Владимир Карпов и Валентин Распутин, Василий Лановой и народная певица Татьяна Петрова, председатель Союза художников России Валентин Сидоров и 82-летний прозаик Семен Иванович Шуртаков направлялись в Чечню, Путин был занят ужасно важным делом – выдавал в Кремле очередные премии. Кому? Да вот таким примерно деятелям искусства и литературы, как Олег Осетинский, статью которого ты преподнес читате-

лям в этом же номере «Дня». И Валентина Матвиенко была занята до крайности – она на пару с Николаем Сванидзе, певцом и недобитком гитлерюгенда, прошибала лбом «стену молчания» о «холокосте» – об истреблении фашистами евреев в годы Второй мировой войны, – стену, которую воздвигли у нас не то Мехлис с Кагановичем, не то Жванецкий с Шендеровичем. Советских евреев, ставших жертвами фашизма, мы от наших общих жертв никогда не отделяли. Но Матвиенко очень стыдила родной народ – переживший, между прочим, пять или шесть таких «холокостов» – за то, что «холокост» неведомых ему западноевропейских евреев почему-то не ближе ему, чем свой собственный.

Кроме того, мадам Матвиенко в это время ломала голову над сложнейшей проблемой: кого назначить министром культуры? Когда формировалось правительство Примакова и Евгений Максимович с присущей ему мудростью вытащил Валентину Ивановну из Греции, где она в качестве нашего посла созерцала все тот же Олимп, и сделал своим заместителем по социально-культурному сектору, я написал ей письмо, в котором, видя затруднения у них с кадрами, предложил назначить министром культуры меня. В самом деле, как теперь стало модно говорить: «А почему бы и нет?» Долгое время министром культуры сидел у Ельцина литературный критик Евгений Сидоров, примечательный разве что только своей женитьбой на дочери известного Индурского, когда-то редактора «Вечерней Москвы». Чем же я плоше Сидорова?

И жизненный опыт у меня поболе, и известность моя пошире, чем у него была до назначения, и не такой я жирный, и позиция потверже, уж я не стал бы, например, как он, поддакивать Ельцину в его оскорбительном для страны намерении вернуть немцам трофеи Великой Отечественной войны. Правда, жену мою звать не Циля, а Татьяна, и она не дочь барона столичной прессы, а пролетарочка вятских кровей с Чистых прудов. Это был мой единственный недостаток для министерской должности, но он-то, судя по всему, и сгубил мою карьеру. Еще не совсем пенсионного возраста вельможная мадам даже не ответила мне, а ведь из письма видно было, что пишет ветеран Отечественной войны. Хоть бы к этому снизошла. Но нет, таков их стиль работы, так преданы они своим любимым «общечеловеческим ценностям».

* * *

А вот товарищ Сталин, имя которого эти вчерашние парторгa да комсомольские секретари сейчас и произнести-то не смеют, даже и в семьдесят лет отвечал на письма не только наркомов, академиков, генералов, писателей, но и безвестных комсомольцев, таких, например, как шестнадцатилетний комсомолец М. Блохин со станции Няндома Северной железной дороги. А то и лично звонил Иосиф Виссарионович тем, кому надо было, и если уж о писателях говорить, не только Горькому или Фадееву, партийным и беспартийным

большевикам, но и Пастернаку, Булгакову, Эренбургу, – какие ж это большевики, скорее совсем напротив… А чего стоит хотя бы история с письмом генерал-майора В. Т. Вольского! Тот буквально накануне контрнаступления под Сталинградом решительно настаивал на отмене операции из опасения ее провала. Прочитав письмо, Сталин посоветовался с Василевским, а потом позвонил Вольскому, поблагодарил за прямоту, заверил, что опасения напрасны, и приказал 4-й мехкорпус генерал-лейтенанта Вольского вывести на острие атаки. Позже генерал-полковник Вольский командовал 5-й гвардейской танковой армией, был награжден двумя орденами Ленина, двумя Красного Знамени и двумя Суворова… Вспомним, к слову, еще и о том, как генерал Ватутин стал командующим фронтом. Он был заместителем начальника Генштаба и однажды после очередного доклада Верховному главнокомандующему о положении дел на фронте вдруг сказал (ну совершенно как я): «Товарищ Сталин, назначьте меня командующим Воронежским фронтом!». Верховный удивился, но назначил. И ведь совсем не плохим командующим оказался Николай Федорович…

А мне мадам Матвиенко не дала покомандовать ни гвардейской армией рязановых-хазановых, ни культурным фронтом от квазичеховского МХАТа до суперзахаровского Ленкома. Высокого дара удивления эти функционеры лишены от рождения, и доверяют они только своим. Как потом выяснилось, в эти дни мадам уговаривала возглавить Министерство

культуры пианиста Николая Арнольдовича Петрова, того самого культуртрегера, который в свое время на известной тусовке вождя с худинтеллигенцией в Бетховенском зале Большого театра уговаривал его не миндальничать с противниками замечательных реформ: «Канделябрами их, Борис Николаевич! Канделябрами!». Тот подумал, видимо: уж если тонкие художники, изысканные эстеты призывают к канделябрам, то, значит, можно танками. И выбрал танки… А канделябрист почему-то не захотел стать министром. Тогда назначили Егорова, как видим теперь, для временной маскировки, ибо поиски нужного человека продолжались. И при Путине, наконец, нашли именно то, что искали: да Швыдкого же, конечно, Михаила Ефимовича, солнышко ясное русской культуры. Ведь как он рьяно вместе с Сидоровым, будучи его заместителем, из кожи лез помочь Ельцину в его борьбе с Думой за возврат немцам наших трофеев! А кто смело распорядился показать по телевидению банную сцену с девочками, достоверность которой до сих пор никем не доказана? Он же, милостивец, и показал, сгорая от нетерпения помочь Волошину и Путину, темной ночью в Кремле сварганившим дрожащими и грязными руками Росинского дельце против Юрия Скуратова. Он!..

Путин объявил: «При назначении на должность я принимаю во внимание только деловые качества, все остальное, в том числе национальность, не имеет для меня никакого значения». Национальность он поставил в один ряд с физиче-

ским ростом кандидата на должность. Такой, видите ли, интернационалист. Знакомо. Например, его предшественник по КГБ Вадим Бакатин, прославившийся своей нежной заботой об американских налогоплательщиках, признавал в свое время, что всю жизнь просто стеснялся и не смел спрашивать кого бы то ни было о национальности. Разница между ними лет в десять-двенадцать, а закваска все та же, применительно к данному случаю можно сказать – матвиенковская…

Но, откровенно говоря, простофиле Бакатину я верю, а хитроумному Путину – не могу. В самом деле, уж кем надо быть, чтобы не понимать: можно было еврея Серебрякова назначить наркомом финансов, армянина Микояна – наркомом торговли или, как сейчас, тувинца Шойгу – главой МЧС. Но министром культуры в России должен быть русский, ибо в стране преобладает в огромной степени именно русская культура, и нерусское население, составляющее примерно 15 процентов, в большинстве своем воспитано в русской культуре, и русский язык для них – родной. Явлинский, например, прямо заявляет: «Я – человек русской культуры». Но кто у нас в Министерстве культуры? Как при Ельцине, так и теперь – сплошь чукчи! Как на телевидении: Познер, Ноткин, Шендерович, Обормоткин, Максимович… Правда, один чукча, Григорий Гурвич, недавно исчез из передачи «Старая квартира», так вместо него совершенно в неожиданном месте – погоду, видите ли, предсказывает! – тотчас выскочил другой чукча – Евгений Гурвич. Помните, у Ильфа

и Петрова? Ходят они по разным незнакомым им советским учреждениям и везде просят для интереса позвать Рабиновича, будто бы приятеля, и во всех учреждениях Рабиновичи перед ними являются, порой даже несколько. Иные со словами Явлинского на устах…

Когда по настоянию Матвиенко и. о. назначил Швыдкого министром культуры, то чукчи так обрадовались, так возликовали, что буквально засыпали избранника высшей власти поздравительными телеграммами: «Ефимыч, жми!». Они очень сплоченные, эти чукчи. Швыдкому пришлось публично в прессе выразить признательность и благодарность им. Факт в своем роде единственный: ни один министр не получал столько поздравлений, и ни один министр не отвечал на них публично.

А Матвиенко, как известно, была секретарем Ленинградского обкома комсомола. Там, на комсомольском Олимпе и в его окрестностях, особенно много водилось сирен, способных песнями об «интернационализме без границ» усыпить кого требуется и отрубить сонному голову. Теперь она из Москвы вострит лыжи в Ленинград, чтобы под мелодию такой вот песенки дезавуировать в Смольном губернатора Владимира Яковлева и сесть в его кресло. Владимир Путин, разумеется, всей душой поддерживает единомышленницу, хотя еще в январе поддерживал тезку. Он уже сказал: «Матвиенко? Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!..» По данным статистики, только в январе этого года, при ны-

нешнем огнеопасном режиме, в стране было 1215 пожаров. Ни на одном из них Матвиенко не замечена…

* * *

Однако пора обратиться к статье упоминавшегося О. Осетинского. Она озаглавлена, разумеется, «Вставай, страна огромная!..» Читать статью с таким, до лоска замусоленным, заглавием я не стал бы, но в первых же абзацах бросилось в глаза огромное количество восклицательных знаков. Что такое? Подсчитал. 162 восклицания. Ну тогда придется…

Первое, что выясняется: автор – лютый антисоветчик и ненавистник коммунизма. Когда-то среди таких встречались люди образованные, воспитанные, тонкие: Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Петр Струве… Имена!.. Было о чем поговорить с ними. Но с Александра Солженицына пошла новая генерация антисоветчиков – сплошь малограмотные нахрапистые бурбоны. Вот и этот Осетинский тоже: «трусливые коммуняки»… «обезумевший сифилитик Ленин»… Как ты можешь печатать такое, уважаемый редактор? Ведь «трусливый коммуняка» – это, например, я, твой старый приятель, с войны вернувшийся с медалью «За отвагу», а в нынешнюю пору награжденный патриотами России и Украины орденом «Защитнику Советов», двумя орденами Сталина. Или, возможно, сей «коммуняка» – твой отец, или твой дядя – Герой Советского Союза. Он что, Героя за трусость

получил? Непостижимые вы для меня люди, патриоты-деникинцы! Ведь ничто же не вынуждает вас плодить эти гадости. Или все никак плюрализмом насладиться не можете? Неужто до сих пор еще не поняли, какая это была ловкая приманка и как нас на нее купили?

Так вот, для начала растолкуй своему Осетинскому, что сифилис, как и всякая другая болезнь, – беда, несчастье, напасть, которые могут постичь любого, в том числе и тех, кто печатается в «Дне литературы»… Тем более что он передается не только половым путем. Так что отнюдь не исключено, что завтра твой вчера еще стерильный автор Осетинский рысью побежит искать венерологический диспансер им. В. Г. Короленко. И гонорар, который он получит за свою инфекционную статью, очень ему пригодится.

Кстати, почему Короленко? Когда-то, теперь уже давненько, в одном из своих кино-«Фитилей» Сергей Михалков лихо высмеял это: ха-ха, дескать, при чем здесь изящная словесность! Я написал ему письмецо. Не к месту, мол, похохатываете вы, дорогой Сергей Владимирович. Короленко, исколесивший всю страну вдоль и поперек, хорошо знал, что за бедствием были эти болезни в царской России, которую Говорухин потерял и все рыдает о ней на груди Эллы Памфиловой. И вот, отнюдь не будучи миллионером, как, допустим, тот же Говорухин, Владимир Галактионович на свои скромные заработки основал этот диспансер, которому потом присвоили его имя. Ну, Михалков, конечно, пожалел

об опрометчивом «Фитиле» и даже прислал мне в благодарность миниатюрное издание «Дяди Степы». Широка душа русского дворянина!.. Да, было когда-то такое обыкновение среди русских писателей. Толстой, Чехов, Шолохов открывали на свои средства школы, больницы, помогали крестьянам в голодные годы; Горький не только спас в лютые годы жизнь очень многих, но, по воспоминаниям Ходасевича, еще и содержал орду нахлебников – от бродяг до великих князей, а деньги давал едва ли не первому встречному. Да, было время, были люди…

А еще посоветуй ты этому Осетинскому, если он так интересуется, кто от чего умер, прочитать недавно вышедшие две книги «Личная жизнь Ленина» В. Е. Мельниченко, последнего директора Центрального музея В. И. Ленина, доктора исторических наук, и «Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина» академика Ю. М. Лопухина. Там приведено множество фактов, документов, свидетельств лечивших врачей, – и все говорит о том, что умер Владимир Ильич совсем от другой болезни, от той, которая Осетинскому никогда не грозила и не грозит, у него тут врожденный иммунитет… На языке поэзии Дмитрий Кедрин дал такой диагноз этой болезни: «Десять жизней людских отработал Владимир Ильич…»

А в доказательство того, что у Осетинского действительно есть надежный иммунитет от «болезни Ильича», можно указать хотя бы на такой, несколько даже избыточно жиз-

нерадостный, фрагмент его статьи: «Великий немецкий поэт, протестант Генрих Гейне утверждал: „Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!“». Отменно… Только, во-первых, уж очень сурово: что, если я по возрасту хотя бы или нездоровью не могу каждый-то день идти на бой, а только два раза в неделю – что ж, и дышать я недостоин, придушить меня позволительно? Во-вторых, Генрих-то вышеназванный лет, почитай, до тридцати исповедовал иудаизм, а сразу после перемены веры сделал такое примечательное заявление: «Желаю всем ренегатам настроения, подобного моему». А что касается авторства приведенного афоризма, который наш знаток мировой литературы сует в свои разные статьи, то все знают, что это вовсе не Гейне, а великий поэт неизвестной нации Осетинский…

В первых же строках статьи автор сотрясает свод небесный: «Бог наконец послал нам человека, который принял на себя тяжкое бремя трудных решений!.. Путин волею судеб возглавил восстание народа в защиту своего ДОСТОИНСТВА… Мы запрягли! Мы прозрели!.. Он – тот спаситель, который… Е…а мать! Теперь у нас есть защитник!» и т. д. Прекрасно! Но вот загадка: почему этого Божьего посланца мы получили из кровавых рук душителя России Ельцина? Почему этого спасителя Отечества так осатанело нахваливает строитель бандитского капитализма Чубайс? Почему, как когда-то Тэтчер о Горбачеве, Клинтон сказал о защитнике: «С этим человеком можно иметь дело»? И Ельцин тут же:

«Путин идет правильным курсом!». Почему за него собираются голосовать и Кириенко-Дефолт, и беглый марксист Юшенков, и адвокат Резник по кличке Красавчик? Наконец, почему сам защитник и спаситель, проливая горючие слезы у гроба знаменосца демократии Собчака, объявляет его – е… а мать! – своим Учителем и клянется в верности ему, и обещает поставить памятник?..

* * *

В конце статьи автор выражает твердую уверенность: «Путин быстро почистит нашу замшелую (!) родину от жадных присосок, кровососок, от нелюди и нечисти…» Очень прекрасно! Но вот во время встречи Путина с его доверенными лицами на выборах один решительный человек в папахе нетерпеливо спросил его: «Когда мы начнем мочить пиявок, присосавшихся к власти?». То есть ему ясно, что пиявок надо мочить, его интересовал только срок – когда начнем? И что же Путин? Вместо ответа на этот прямой и ясный вопрос он, не отрицая, что пиявок развелось много, пустился в рассуждения о необходимости равенства для всех пиявок, чтобы одни не имели преимущества перед другими в грабеже народа. Кого же защищает этот защитник?..

Но автор не падает духом и решительно оглашает требования к своему кумиру: «Путин, выкинь пятые колонны из тела России, удали раковую опухоль русофобства!». И что,

выкинул хотя бы мерзавца Коха? Удалил хотя бы негодяйку Новодворскую? Заткнул рот хотя бы теоретику предательства Киселеву?..

И опять вопль: «Путин! Безо всяких оговорок и общения с трусливыми коммуняками – национализировать нефть и газ!.. Ничего нет дурного (!) в том, чтобы пересмотреть явно блатные итоги приватизации, вернуть справедливость!..» У него что, крыша поехала, что ли? Ведь «коммуняки»-то, при всей их «трусости», именно за пересмотр. А защитник, ниспосланный Богом, по этому самому главному вопросу тоже высказался при первом же появлении в качестве наследника предельно четко в таком духе: «Пересмотреть итоги? Ждите, когда рак свистнет…»

И снова в экстазе: «Путь России сейчас ясен – с нами Путин!». Судя по такому восторгу, с Путиным автор «Дня литературы» хоть сей миг – прямым путем и в НАТО. Ах, с какой готовностью, даже радостью, тот в ответ на вопрос журналиста «Би-Би-Си» о возможности вступления России в эту «преступную организацию» (ген. Ивашов) тотчас выпалил: «А почему бы и нет?!». Словно журналист спросил его: «Не прохладиться ли нам кружечкой жигулевского?». Право, впечатление было такое, что если журналист еще и присовокупил бы: «А не стать ли России 51-м штатом США?» – то он и тут услышал бы удивленно-радостный возглас: «А почему бы и нет?!». И нынешний афоризм «Я с трудом представляю себе НАТО в качестве врага России» немедленно

был бы преобразован так: «Я легко представляю себе Россию в качестве 51-го штата USA».

Все человечество – как прогрессивное, так и ретроградное, услышав приведенные слова и. о. главы России, схватилось за животики, как хваталось недавно при афоризмах крестного отца и. о. Раньше всех очухался генеральный секретарь НАТО Робертсон и, слава богу, успокоил человечество, заявив: «Вопрос о приеме России в НАТО сегодня на повестке дня не стоит». Человечество вздохнуло с облегчением…

Впоследствии, встречаясь в Иванове с ткачихами, Путин постарался сделать вид, что то был тонкий дипломатический ход, в чем его ранее поддержали депутаты В. Лукин и Д. Рогозин, наши великие знатоки международных проблем. Он сказал: «При создании НАТО в 1949 году Советский Союз, который возглавлял тогда Иосиф Виссарионович Сталин, изъявил готовность войти в НАТО, но ему было в этом отказано…» Я оторопел… Сталин просился в НАТО?..

На этих днях самарский губернатор Титов, известный не только своей резвостью, заявил в беседе со Сванидзе: «После войны нас не взяли в план Маршалла…» Мы, дескать, рвались туда, а нас не взяли. Нет, сударь, нас очень хотели взять голыми руками и пригласили в Париж на совещание министров иностранных дел, состоявшееся 27 июня – 2 июля 1947 года. Но мы сразу раскусили кабальную суть этой американской затеи и решительно отказались в ней участво-

вать. Еще бы! Ведь ее обязательными условиями были, например, отказ от национализации промышленности, предоставление полной свободы частному предпринимательству, одностороннее снижение таможенных тарифов на ввоз американских товаров и т. п. Разве не ясно, что если бы согласились, то весь тот кошмар, который обрушился на страну теперь, нагрянул бы лет на сорок раньше. Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. Он всегда считал, что главная цель экономической политики – экономическая независимость… И не одни мы тогда отказались, например, Финляндия – тоже… Впрочем, какой спрос может быть с Титова? Он додумался до того, что предложил Явлинскому, хроническому кандидату в президенты, ветерану и инвалиду борьбы за Кремль, на этот раз снять свою кандидатуру. Да это же все равно, что крокодилу предложить питаться фиалками. Но Путин-то не имеет права быть Титовым!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.